

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ХИВИНСКОГО ХАНСТВА В 1867–1870 гг.

Статья подготовлена в рамках проекта НУ 8.1.32.2015С «История изучения и освоения Сибири» программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

Рассмотрен процесс установления дипломатических отношений между Российской империей и хивинским правительством, осуществлявшийся Туркестанским генерал-губернатором К.П. Кауфманом в 1867–1870 гг. Положение об управлении Туркестанским краем наделяло генерал-губернатора широкими полномочиями, в том числе и по ведению переговоров со среднеазиатскими государствами. На основании архивных источников – переписки К.П. Кауфмана и хана Хивы Сейид-Мухамед-Рахима II в 1867–1869 гг., хранящейся в фондах Центрального государственного архива Республики Узбекистан, сделана попытка показать основные проблемы и остроту отношений между Хивой и Россией накануне присоединения Средней Азии.

Ключевые слова: Туркестанское генерал-губернаторство; Российская империя; Хивинское ханство; К.П. Кауфман.

Известно, что культурные, торговые и политические отношения среднеазиатских государств с Россией начались задолго до присоединения первых к Российской империи. Уже к XI в. древнерусские княжества были связаны с Хорезмом Волжским торговым путем, шедшим от г. Ладога на Каспий и далее в Хорезм и Среднюю Азию, оттуда в Закавказье и персидские земли [1. С. 128]. Уровень торговли был незначителен. Только в 1752 г. была открыта Троицкая таможня в Оренбургской губернии, хотя первый караван из Оренбурга в крупный г. Ташкент пришел в 1738 г. В том же году пришли караваны из Хивы и Ташкента в Оренбург [2. С. 3, 15]. Однако у российских властей имелись и другие важные причины в налаживании отношений с ханскими правительствами. В среднеазиатском плену находились тысячи русских рабов, о чем свидетельствует донесение Петру I от Флорио Беневени, итальянца на русской службе, руководившего посольством в Бухару в 1718–1725 гг. [3. С. 220]. В первой четверти XVIII в. российское правительство уже понимало необходимость и важность включения Средней Азии в орбиту своих геополитических интересов. Экспедиция Бековича-Черкасского в Хиву в 1717 г., организованная по приказу царя, имела целью отыскать путь в Индию и «склонить к верности и подданству» ханов Хивы и Бухары. Хотя поход не увенчался успехом и почти все участники были перебиты или проданы в рабство, но он дает ясно понять заинтересованность российских властей в Средней Азии. Этот интерес глубже и шире проявился уже в XIX в., когда Туркестан окончательно вошел в состав Российской империи, а границы России и Англии в Центральной Азии грозили соприкоснуться.

Хивинское правительство внимательно следило за продвижением русских войск к своим границам. С 1864 по 1868 г. российскими войсками были поочередно взяты такие крупные города, как Чимкент, Туркестан, Ташкент, Самарканд, а в июле 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Уже не оставалось сомнений, что судьба трех крупных ханств Средней Азии была предreshена. В силу присутствия английских агентов и торговцев в этом

регионе в целом и в Хиве в частности российские власти на местах могли действовать более свободно. В соответствии с Положением об управлении Туркестанским краем 1867 г., генерал-губернатор Туркестана назначался непосредственно императором, командовал военными силами округа и, кроме того, был одним из немногих администраторов, который мог вести дела в отношении пограничных государств – Хивинского, Кокандского ханств и Бухарского эмирата [4].

Сосредоточив внимание на Хивинском ханстве, стоит отметить, что внимание России к этому государству было обусловлено тем, что его западные границы находились на близком расстоянии от границ России. Каспийское море, омывавшее берега Хивинского ханства на востоке и российские на западе (Закавказье), в середине XIX в. стало естественной границей. Но русские суда уже ходили по Каспию, поэтому одна из задач среднеазиатских генерал-губернаторов заключалась в необходимости закрепления позиций на восточном берегу для удобства и безопасности судоходства по всей акватории моря. Вопрос безопасности на Каспии стоял остро. Известный венгерский исследователь Центральной Азии Арминий Вамбери в своем путешествии из Тегерана в Хиву, Бухару и Афганистан в 1863 г. отмечал, что некоторые племена туркмен, не подчинявшиеся ни хивинскому, ни персидскому ханам, совершали грабительские набеги не только на суше, но и на море [5. С. 41–42]. Кроме того, ведение торговли с Персией, снабжение среднеазиатских владений по морю в перспективе давали много выгод российскому государству. Хиве отводилась особая роль еще и потому, что близость ее к торговым путям, ведущим в местные ханства, делала ее весьма важной для караванной российско-среднеазиатской торговли.

Отметим еще один важный момент, который относится к Центральной Азии в целом. По мнению историка В.В. Дубовицкого, большую роль сыграл *ландшафтно-географический фактор*, смысл которого заключался в том, чтобы присоединить Оренбургскую и Сибирскую пограничные линии и тем самым отодвинуть границу южнее к р. Сырдарья, вплоть до Ташкентского оазиса. Автор утверждает, что это поз-

волило бы российским властям рационально использовать условия местности не только для обороны государства, но и для снабжения войск продовольствием из указанных территорий [6. С. 195–198]. Добавим, что известное соперничество России и Англии в этом регионе заставляло русское правительство включить в свою сферу влияния среднеазиатские государства, чтобы отодвинуть на безопасное для себя расстояние границы Британской империи. В.В. Дубовицкий признает в той же статье, что «ландшафтно-географический фактор явился <...> не главной причиной, но пусковым механизмом военной кампании 1864–1865 гг.» [Там же. С. 191]. Действительно, в последующие годы Россия не оставляла без внимания этот регион. В 1891–1892 гг. были введены войска на Памир, а в 1892–1895 гг. была создана система пограничной охраны с Китаем и Афганистаном, которые находились под влиянием Англии. А последняя, в свою очередь, постепенно создавала из этих государств так называемый буфер между британской Индией и российской Азией.

Таким образом, Хивинскому ханству в мировом геополитическом плане отводилась скромная роль посредника. Но во внутриазиатских отношениях подчинение ханства означало внутреннюю безопасность Средней Азии в целом и безопасное присутствие здесь России в частности.

Константин Петрович фон-Кауфман, назначенный генерал-губернатором вновь образованного Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г., при котором было присоединено Кокандское ханство, а над Хивинским ханством и Бухарским эмиратом был установлен российский протекторат, вел себя настойчиво. Уже в ноябре 1867 г., через три месяца после своего назначения, он, обращаясь в письме к хивинскому хану, объяснял новые границы империи, которые проходили теперь «...от Аральского моря по обоим сторонам р. Сырдарьи вдоль границ Вашего Ханства, владений Бухарских, Ханства Коканского и далее вдоль границы Китайской до Тарбагатайского хребта» [7. Л. 1]. В том же послании он сообщал о назначении его генерал-губернатором и о том, что дальнейшие сношения с Россией будут проходить только через генерал-губернатора, а войска в приграничье нужны «...не для расширения пределов, а для наблюдения за порядком внутри нашей границы и для наказания тех из наших соседей, которые не соблюдают святости договоров» [Там же. Л. 1 об.]. Данная формулировка дала понять хивинцам о том, чего стоит ожидать им в случае нарушения границы России. Здесь речь идет не о соблюдении межгосударственных договоров, которые, по отзывам современников и историков, были мало понятны главам среднеазиатских феодальных государств и их правительствам, недостаточно понимавшим нюансы европейской международной политики, а о том, чем грозит Хиве нарушение границ, теперь уже соседнего, Российского государства.

Известна реакция хивинцев на приближение русских к границам ханства. Хива – единственное государство в данном регионе, которое долгое время отка-

зывалось признать Россию в роли лидера. Причина этого – нежелание ханского правительства обращать внимание на международную обстановку и расклад сил в Азии. А. Вамбери, лично встречавшийся с Сейид-Мухамед-ханом, отзывался о нем как о слабом монархе. И речь шла не о психическом состоянии хана, а о неумении управлять, поскольку о самой встрече автор не делает каких-либо отрицательных замечаний, касающихся психической адекватности «его королевского высочества» [5. С. 97–98]. Действительно, во время правления Сейид-Мухамеда (1856–1864) Хиву сотрясали гражданские войны между крупными этносами ханства – узбеками и туркменским племенем йомудов, а столица была разграблена; санитарное состояние города и населения оставляло желать лучшего, народ ханства переболел чумой и холерой. Его сын Сейид-Мухамед-Рахим II, правивший с 1865 по 1910 г., которому на момент завоевания ханства русскими войсками было 30 лет, и вовсе «ничего не смыслил в государственных делах». Он ими не занимался, вверив управление государством одному из своих приближенных – Мат-Мураду. Сам же проводил время в своем гареме или на охоте. Так писал о нем современный российский исследователь Е.А. Глущенко и добавлял, что правитель ничего не знал и о сопредельных странах, а золотые часы, подаренные ему когда-то английским эмиссаром, показывали неверное время [8. С. 105–106].

Контакт между Россией в лице генерал-губернатора и хивинским ханом затруднял формализм со стороны последнего. Нельзя сказать, что отношения между Туркестанским генерал-губернатором и ханом Хивы были равными. Формально они таковыми не могли быть, так как уровень генерал-губернатора максимум мог соответствовать уровню визиря – кушбеги. Известно, что Кауфман всячески старался поддерживать свой авторитет, коренное население Туркестана признавало за ним образ полуцаря – ярымпадшо. Этого требовали обстоятельства и специфика Востока и его менталитета с признанием власти за сильнейшим. Этот статус подтверждали и широкие полномочия, которыми его наделил император Александр II и, соответственно, высокий статус, который должен был приравнивать его к хану в глазах населения. Ханское правительство не могло понять этого. Ясная картина этого противостояния представляется в переписке Кауфмана с Хивой.

Константин Петрович, обращаясь к хану в письме от 12 августа 1869 г., вел себя вполне уверенно, делая замечание о незаконных и даже враждебных действиях «подвластных хану людей» [9. Л. 36–36 об.]. В этом же письме он предупреждал, что наказание преступников последует незамедлительно, где бы они ни были и в чем бы они подданстве ни состояли. Кроме того, он упоминал о письмах, которые были распространены среди казахов, подданных России, в которых, как известно, содержались призывы к восстанию, неповиновению российским властям и священной войне против русских. Кауфман признавал факт существования этих писем. Не обвиняя напрямую власти Хивы в провокациях, а говоря о провока-

торах в целом, он дал понять, что подобные выходки будут пресекаться. А хану он рекомендовал принять меры в отношении своих подданных. Далее тональность письма усиливается, а Кауфман ясно давал понять о силе и могуществе российской власти в Туркестане. Довольно прямолинейное письмо завершилось словами «Я не хочу думать, чтобы все это делалось с вашего ведома, а желал бы верить, что вы к этим деяниям несколько не причастны. Подобные же действия бывали прежде и со стороны Коканда и Бухары. Вам известны последствия. Россия должна была занять города... (ханств. – Е.К.). Ханства эти много потеряли <...> и только теперь <...> они поняли, наконец, что Великий Государь наш не ищет завоеваний, но приобретает спокойствие для своих подданных силою оружия, если соседи не понимают добрых Его желаний...» [9. Л. 37]. Заметим, что за год до этого, летом 1868 г., Бухарский эмир был вынужден заключить мир с Россией и принять условия вассалитета. На это и намекал Кауфман хивинскому хану.

Становится понятным, почему письма Кауфмана часто оставались без ответа или специально задерживались хивинскими курьерами, а иной раз и вовсе письма хана шли напрямую в Петербург, минуя канцелярию генерал-губернатора. Это выглядело, по мнению хивинцев, справедливым и «равным». Хан и представить не мог, что Белый царь их даже не читал, а его письма либо отправлялись в Ташкент в канцелярию генерал-губернатора, либо в Азиатский департамент МИДа. Для хивинского хана подобный тон Кауфмана в письмах выглядел, по меньшей мере, дерзко и фамильярно. Переписка хана не с главой государства, а с его подчиненным, безусловно, унижала самолюбие хивинского монарха.

Еще в 1839 г. в Петербурге было принято решение снарядить военную экспедицию в Хиву во главе с оренбургским генерал-губернатором Перовским, которая закончилась провалом вследствие недостаточной подготовки. Через восемь месяцев экспедиция повернула назад, потеряв 1 054 человека, 10 тыс. верблюдов и 8 тыс. лошадей, не считая большого количества продовольствия [8. С. 70].

Согласно договору между Хивой и Россией, заключенному через два года после этих событий, первая должна была отпустить русских пленных, захваченных в рабство, и впредь не нападать на российские торговые караваны, не уводить в рабство подданных российской короны. Но хан не исполнял условий договора. У Кауфмана, таким образом, была веская причина «напомнить» ему об обязательствах. К тому же теперь российские границы соприкасались с хивинскими, а российские войска уже находились в Азии, и не было надобности организовывать дорогостоящую экспедицию из центральной России.

На этот случай у генерал-губернатора также было свое решение. В письмах к военному министру Д.А. Милютину от 7 и 10 июня 1869 г. он предлагал

высадить на берегу Красноводского залива Каспийского моря войска Кавказского военного округа и отмечал, что высадка войск будет являться дополнительным фактором давления на Хиву [10. С. 265]. Идея была поддержана и в Министерстве иностранных дел. В ноябре 1869 г. русский военный отряд под командованием Н.Г. Столетова произвел успешную высадку на побережье Муравьевской бухты Красноводского залива, где позднее был основан г. Красноводск.

Сообщая Столетову в январе 1870 г. о своем ультимативном письме в Хиву, Кауфман отмечал: «Я совершенно убежден, что рано или поздно нам не миновать столкновения с этим ханством» [Там же. С. 273]. Это и случилось весной 1873 г., когда была взята столица Хивинского ханства. 12 августа того же года был заключен мир, по которому Хива в течение 20 лет должна была выплачивать России 2 200 тыс. руб.; русские купцы могли свободно и беспопытно торговать в пределах ханства; на берегу Амударьи было построено Петро-Александровское укрепление (г. Турткуль) [11. С. 103]. Таким образом, Хивинское ханство, согласно этому договору, превратилось в вассальное государство, которым оставалось до 1917 г.

Таким образом, феодальное государство, коим являлась Хива, отягощенное внутренними межплеменными конфликтами, безусловно, рано или поздно вошло бы в сферу влияния той или иной державы. И российская власть на местах в лице генерал-губернатора Туркестана понимала, что в отношении Хивы необходимо действовать, исходя из интересов России и специфики сложившихся русско-английских отношений, которые характеризовались соперничеством в Азии. Было еще одно препятствие. Ханская власть в силу непонимания или нежелания затягивала переговорный процесс, но Кауфман поддерживал дипломатические отношения с Хивой, и переписка с ханом и его правительством носила постоянный характер. Политические отношения в конце 60-х гг. XIX в. между Россией и Хивой достигли критического уровня, что не должно говорить о неспособности сторон вести диалог. Наоборот, стороны желали эскалации конфликта по простым причинам. Хивинское правительство недооценивало военную силу соседней империи и то, что со времен безуспешных и трудных походов российских войск в Азию Россия подготовила плацдарм на Кавказе и в Азии для наступления вглубь континента. Правительство России и генерал-губернатор, в свою очередь, стремились опередить английских агентов в их попытке повлиять на азиатские ханства и Персию и установить свой протекторат над этим регионом. В этой связи роль генерал-губернатора в Туркестане продолжала иметь большое значение, что и отразилось в проектах Положения об управлении Туркестанским краем 1871 и 1873 гг., исследование которых позволит в дальнейшем уточнить, как развивалось имперское законодательство в этом регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куза А.В. Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. 168 с.
2. Губаревич-Радобильский А.Х. Значение Туркестана в торговле России с сопредельными странами // Материалы для изучения хлопководства / сост. А.Ф. Губаревич-Радобильский. СПб., 1912. Вып. II. 248 с.

3. Гуломов Х.Г. Дипломатические отношения государств Средней Азии с Россией в XVIII – первой половине XIX века. Ташкент : ФАН, 2005. 333 с.
4. Васильев Д.В. Организация управления в Русском Туркестане по проектам Положения об управлении 1870-х гг. // Наукоедение. 2014. № 5 (24). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/168EVN514.pdf>, свободный.
5. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М. : Вост. лит., 2003. 320 с.
6. Дубовицкий В.В. Россия в Среднеазиатском регионе // История и современность. 2009. С. 190–221.
7. Копия Письма генерал-адъютанта фон-Кауфмана хану Хивинскому от 19 ноября 1867 г. // Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз). Ф. И–1. Оп. 34. Д. 13.
8. Глушенко Е.А. Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М. : XXI век – Согласие, 2001. 464 с.
9. Копия письма генерал-адъютанта фон-Кауфмана хану Хивинскому от 12 августа 1869 г. // ЦГА РУз. Ф. И–1. Оп. 34. Д. 13.
10. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М. : Наука, 1965. 465 с.
11. История народов Узбекистана : в 2 т. / гл. ред. А. Аскарлов. Ташкент : ФАН, 1993. Т. 2. 450 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 ноября 2015 г.

RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN EMPIRE AND THE KHANATE OF KHIVA IN 1867–1870

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 101–104. DOI: 10.17223/15617793/404/15

Krupenkin Evgeny N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kenust-muta@mail.ru

Keywords: Turkestan Governorate-General; Russian Empire; Khanate of Khiva; K.P. Kaufman.

The article focuses on the process of establishing diplomatic relations between the Russian Empire and the government of Khiva in 1867–1870 that was carried out by Turkestan Governor-General K.P. Kaufman. The Statute of Turkestan Krai (Governorate-General) gave large powers to the Governor-General, including an authority to hold negotiations with Central Asian countries. Basing on archival sources (correspondence between K.P. Kaufman and Khivan khan Sayyid-Mohammed-Rahim in 1867–1869 that is held in Central State Archive of the Republic of Uzbekistan), the author of the article attempts to show the main issues, challenges and intensity in the relations between Khiva and Russia before Central Asia was incorporated. It is impossible to understand the policy principles and even the ideology of the Empire using only diplomatic correspondence. The study of the processes of that period is of no less importance. Useful information can be found in the notes of Ármin Vámbéry, a Hungarian discoverer and contemporary of the events described in the article. He knew eastern languages and thoroughly described Khiva, morals and political balance inside the khan's court, which gives an opportunity to elaborate some historiographical conclusions. The isolated geographic location of the region and scarce research of local customs and traditions were the obstacles for western travelers in making individual trips to Asia. Incognito, disguised as a Turkish pilgrim, Vámbéry was able to collect valuable information about the region that was not available for classic scientific expeditions. As Central Asia became a field where the foreign policy and economic interests of Russia and Great Britain collided in the second half of the 19th century, the article considers the geopolitical role of the Khivan Khanate in foreign relations. Location of the state made it in control of the water area and the eastern shores of the Caspian Sea as well as of the territories along the Amu Darya river (western part of Uzbekistan and Turkmenistan nowadays). Russian policy there was aimed to merge Orenburg and Siberian border lines, it was driven by the geographical landscape factor and the need to enforce Russian military presence in Asia. In the third quarter of the 19th century, Russian troops moved deeper into Asia and reached the borders of Kokand, Bukhara and Khiva. The article describes an important episode in the Russian-Khivan relations, when the Russian side in the name of the Governor-General, Minister of War and Minister of Foreign Affairs decided to perform a military expedition to the Khanate of Khiva. Historical sources analysis shows the main directions of further development of the Russian-Khivan relations in the 19th century.

REFERENCES

1. Kuza, A.V. (1989) *Malye goroda Drevney Rusi* [Small towns of Ancient Rus]. Moscow: Nauka
2. Gubarevich-Radobyl'skiy, A.Kh. (1912) *Znachenie Turkestana v torgovle Rossii s sopredel'nymi stranami* [The value of Russian Turkestan in trade with neighboring countries]. In: Malakhovskiy, N.I. (ed.) *Materialy dlya izucheniya khlopkovodstva* [Materials for the study of cotton production]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma.
3. Gulomov, Kh.G. (2005) *Diplomaticheskie otnosheniya gosudarstv Sredney Azii s Rossiei v XVIII – pervoy polovine XIX veka* [Diplomatic relations between the Central Asian states and Russia in the 18th – first half of the 19th centuries]. Tashkent: FAN.
4. Vasil'ev, D.V. (2014) Administration System of Russian Turkestan: the Case of 1870th Projects of the Statute for Governing of the Region. *Naukovedenie*. 5 (24). [Online]. Available from: <http://naukovedenie.ru/PDF/168EVN514.pdf>. (In Russian).
5. Vamberi, A. (2003) *Puteshestvie po Sredney Azii* [Journey through Central Asia]. Moscow: Vostochnaya literatura.
6. Dubovitskiy, V.V. (2009) Rossiya v Sredneaziatskom regione: tri veka v zerkale geopolitiki [Russia in the Central Asian region: three centuries in the mirror of geopolitics]. *Istoriya i sovremennost'*. 1. pp. 190–221.
7. *Kopiya Pis'ma general-ad'yutanta fon-Kaufmana khanu Khivinskomu ot 19 noyabrya 1867 g.* [A copy of the Letter of General Adjutant von Kaufmann to the Khiva Khan of November 19, 1867]. Central State Archive of the Republic of Uzbekistan (TsGA RUz). Fund I–1. List 34. File 13.
8. Glushchenko, E.A. (2001) *Geroi Imperii. Portrety rossiyskikh kolonial'nykh deyateley* [Heroes of the Empire. Portraits of Russian colonial officials]. Moscow: XXI vek – Soglasie.
9. *Kopiya pis'ma general-ad'yutanta fon-Kaufmana khanu Khivinskomu ot 12 avgusta 1869 g.* [A copy of the Letter of General Adjutant von Kaufmann to the Khiva Khan of August 12, 1869]. Central State Archive of the Republic of Uzbekistan (TsGA RUz). Fund I–1. List 34. File 13.
10. Khalfin, N.A. (1965) *Prisoedinenie Sredney Azii k Rossii (60–90-e gody XIX v.)* [Accession of Central Asia to Russia (1860s–1890s)]. Moscow: Nauka.
11. Askarov, A. (ed.) (1993) *Istoriya narodov Uzbekistana: v 2 t.* [The history of the peoples of Uzbekistan: in 2 vols]. Vol. 2. Tashkent: FAN.

Received: 17 November 2015